

Горький и Чехов

В обстановке славных побед Красной Армии отмечает в этом году наша страна годовщину смерти Горького, великого писателя и великого трибуна советского народа. Идеалы, во имя которых жил и творил Горький, прошли через испытания войны и доказали свою жизненную силу. Эти идеалы ведут вперед, на запад, вонзов Красной Армии, воодушевляют труд советских патриотов в тылу.

В слове Горького проявила себя гениальная творческая сила русского народа. Годовщина смерти Горького предшествует в этом году сорокалетней годовщине со дня смерти другого великого русского писателя — Антона Павловича Чехова, друга Алексея Максимовича.

Горького и Чехова объединяли не только чувства личной симпатии. Их близость, их содружество выросли на глубоко принципиальной основе. Горький пришел в литературу в начале девяностых годов прошлого века, пришел как новатор, как прокладыватель новых путей и в литературе и в жизни. Он любил свой народ и свою страну безмерной любовью. На заре массового революционного рабочего движения он предвидел светлое будущее своей родины, преобразенной социалистическим трудом. Слово его звало на подвиг, на битву за счастье народа. Буревестник революции мыслью и чувством, всем существом своим ощущал родство своих устремлений с исканиями и творческим духом Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова.



Чехов был его старшим современником. Он начал писать на десятилетие раньше Горького. Когда Горький выступил с первыми своими произведениями, Чехов уже имел прославленное имя и огромную всероссийскую аудиторию. Были критики и литературоведы, резко отделившие друг от друга молодое дарование Горького и творчество Чехова. Но в сознании вдумчивых читателей имена Чехова и Горького стали соединяться вместе, обозначая господствующие и родственные тенденции одной литературной эпохи, подобно тому, как в сороковых годах прошлого века поколение Чернышевского соединяло имена Лермонтова и Гоголя, тоже, на первый взгляд, столь различные между собой. И не менее знаменательное обстоятельство: реакционеры и мистики стали нападать и на Чехова и на Горького как «пророков» одной веры — веры в человека, в прогресс, в

земную мощь и земное счастье родины и человечества.

Горького и Чехова объединяли узы дружбы личной и дружбы, вытекающей из родства убеждений. Горький ненавидел жестокую и непримиримую ненависть пошлости сытых и самодовольных мешан. Горький в своей борьбе с мешанством смотрел на Чехова как на своего соратника и союзника. «Его врагом была пошлость», — писал Горький о Чехове. — Он всю жизнь боролся с ней, ее он осмеивал и ее изображал бесстрастным острым пером, умея найти плесень пошлости даже

там, где, с первого взгляда, казалось, все устроено очень хорошо, удобно, даже с блестящим...».

Писатель, выдвинутый рабочим классом, Горький был певцом труда. Сколько красноречивых поэтических страниц в своих художественных созданиях и в своих публицистических статьях посвятил он теме труда. Горький требовал и от молодых писателей, от всей советской литературы возвышающего описания труда и людей труда. «Мы должны усвоить, что именно труд масс», — говорил Горький на съезде писателей, — является основным организатором культуры и создателем всех идей... Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т. е. человека, организуемого процессами труда, который вооружен всей мощью современной техники, человека, в свою очередь, организующего труд более легким, продуктивным, возведя его на степень искусства. Мы должны научиться понимать труд, как творчество».

То, что Горький хотел видеть общим свойством всей нашей литературы, он нашел уже у Чехова. С любовью и одобрением рассказывает Горький об отношении Чехова к труду, как к творчеству. «Чтобы хорошо жить, по-человечески — надо же работать! — передает Горький слова Чехова. — Работать с любовью, с верой».

«Я не видел человека, — добавляет Алексей Максимович, — который чувствовал бы значение труда, как основание культуры, так глубоко и всесторонне, как Антон Павлович. Это выражалось у него во всех мелочах домашнего обихода, в подборе вещей и в той благородной любви к вещам, которая, совершенно исключая стремление накопить их, не устает любоваться ими, как продуктом творчества духа человеческого. Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзию труда».

«Украшать землю» — мы помним эти слова! Как часто Горький употреблял их. Как выразились в них его деятельная любовь к жизни, его мечта об обезвреживании разрушителей культуры и расхищителей общего труда и о превращении всей земли в цветущий сад, в благоустроенную мастерскую. К числу неосуществленных замыслов Горького относится намерение написать пьесу «Васька Буслаев». Был ли

новый русский мудрец должен был стать, по мысли Горького, воплощением созидательной страсти к труду. Горький написал монолог Васьки Буслаева:

— Эх-ма, кабы силы да поболее мне! Жарко быдохнул я — снега бы растопил.

Круг земли пошел бы да всю распахал. Век бы ходил — города городил. Церкви бы строил да сады все сажил! Землю разукрасил бы — как девушку. Обнял бы ее — как невесту свою. Поднял бы я землю ко своим грудям. Поднял бы, понес ее ко господу: — Глянь-ко ты, господи, земля-то

какова — сколько она Васькой изукрашена! Ты, вот, ее камнем пустил в небеса. Я ж ее сделал изумрудом дорогим! Глянь-ко ты, господи, порадуешься. Как она зелено на солнышке горит! Дал бы я тебе ее в подарочек. Да — накладно будет — самому дорога.

Посмотрев, как Чехов работает у себя в саду в Аутке, Горький не выдержал и прочитал ему монолог Васьки. Чехову монолог понравился. Он попросил его повторить и похвалил:

«Это хорошо... Очень настоящее, человеческое! Именно в этом смысл философии всей. Человек сделал землю обитаемой, он делает ее и уютной для себя. — Кивнув упрямо головой, повторил: — Сделает».

Известно, сколько внимания уделял Горький молодым писателям, сколько труда и страсти вложил он в дело воспитания начинающих литераторов. Сам искусный и опытный мастер, Горький знал, какие трудности представляет овладение законами языка художественной прозы и поэзии. Терпеливо и настойчиво учил Горький отбрасывать словесную мишуру и словесный хлам, выбирая слова точные, прямо выражающие предмет и идейный замысел автора. В этом деле, первостепенной важности для всякой литературы, Горький не раз ставил своим ученикам в качестве примера и образца Чехова. Реализм Чехова Горький придавал громадное значение. У Чехова, говорил он, «простые, ясные, близкие к жизни слова». Чужое, неорганичное, вычурное слово скрывает человеческий образ вместо того, что-

бы выявить его. Горький очень ценил облагоулаживающее воздействие Чехова и на писателей и просто на всякого человека.

«Мне кажется, — писал Алексей Максимович, — что всякий человек при Аянтоне Павловиче невольно ощущал в себе желание быть проще, правдивее, быть более самим собой, и я не раз наблюдал, как люди сбрасывали с себя пестрые наряды книжных фраз, модных слов и все прочие дешевенькие штучки... Все пестрое, грешное и чужое, падающее человеком на себя для «пушистости», вызывало в нем смущение, и я замечал, что каждый раз, когда он видел перед собой разряженного человека, им овладевало желание освободить его от всей этой тиготости и ненужной мишуры, искажавшей настоящее лицо и живую душу собеседника».

Видя, как некоторые молодые писатели не находили нужных слов для выражения своей мысли, Алексей Максимович цитировал наизусть «Степь» Чехова и пояснял: «Все — ясно, все слова — простые, каждое — на своем месте».

Это отношение Горького к Чехову очень важно. У Горького, как у всякого большого писателя, был свой неповторимый, индивидуальный стиль. Горький был убежденным сторонником сочетания реализма и революционного романтизма. Тем не менее он рассматривал творчество Чехова как желательную и даже обязательную школу для каждого начинающего писателя. И понятно, почему высшим законом искусства Горький считал правду: чеховское творчество дышало правдой, учило правде. При этом, что очень характерно, с точки зрения Горького, элементы романтизма были свойственны и Чехову. «В крупных художниках, — писал Горький в статье «О том, как я учился писать», — реализм и романтизм всегда как будто соединены... Тургенев тоже писал вещи в романтическом духе, так же как и все другие крупнейшие наши писатели, от Гоголя до Чехова и Бунина. Это слияние романтизма и реализма особенно характерно для нашей большой литературы, оно придает ей ту оригинальность, ту силу, которая все более заметно и глубоко влияет на литературу всего мира».

Что же Горький имел в виду, когда писал о романтизме Чехова? Несомненно,

веру в человека, в его способность к совершенствованию, к творчеству, к красоте и подвигу, о чем уже говорилось выше, а затем веру Чехова в обновление родины и величественный удел родного народа. Ответ разгорающейся зари лежит на произведениях Чехова, и Горький, сам неудержимо стремившийся к восходящему солнцу политического и социального обновления, ценил это чрезвычайно. Чехов, как он выразился в одном из своих рассказов, «был проникнут любовью к этому полю» и думал о том, «как велика, как прекрасна эта страна». Иногда Чехов говорил, что светлый день его родины придет через двести лет, но в глубине души он думал, что день этот разгорится много раньше. Ведь написал же Чехов в 1893 году в рассказе «Случай из практики»: «Хорошая будет жизнь лет через пятьдесят, жалко только, — с грустью добавлял он, — что мы не дотянем. Интересно было бы взглянуть».

Несколькими годами позже Горький писал, что «Россия будет самой яркой демократической землей». Чехов в самом деле не дотянул до осуществления этого праздника, злой недуг преждевременно свел его в могилу, но Горький дождался тех времен, когда первые рассветные лучи угатанные Чеховым, разгорались в яркий свет ослепительного дня. Не болезнь, а враги свели Горького преждевременно в могилу. Но слово и дело Горького живо, оно сегодня с нами, оно является неизменным и незаменимым идеологическим оружием Красной Армии, советского народа, передовых людей всего мира.

Уже видны очертания победы, полного торжества над ненавистным врагом — и победоносный советский народ, утверждая в мире правду воинствующего гуманизма против злого человекоистребительного дурмана — гитлеризма, украсит родную землю, как цветущий и благоуханный сад, как об этом мечтали и Горький и Чехов. Два друга, два великих русских писателя Горький и Чехов навсегда останутся для советских людей учителями ненависти ко злу и к реакции, учителями правды и патриотизма, воодушевленного передовыми идеалами.

В. КИРПОТИН.

МОСКОВСКИЙ БОЛЬШЕВИК

Г. МОСКВ

18 ИЮН 1944